

УДК 94(560)

РОЛЬ ОСМАНОВ В РАЗВИТИИ ИСЛАМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

РАКИЦКИЙ Д.С.

Исследователь

Уже с середины XI в. турки (тогда турки-сельджуки) стали претендовать на лидерство в исламском мире, особенно после того, как в 1055 г. Тогрул-бек отнял Багдад у ослабевшей династии Буидов, а духовный глава всех мусульман – халиф – даровал ему титул султана и прерогативу защиты державы Аббасидов от ее многочисленных врагов. Еще большее влияние в мире ислама турки заслуженно приобрели во время захлестнувших с XI в. Восточное Средиземноморье крестовых походов.

После создания в XIII в. на юго-восточной границе Византийской империи государства турок-османов, превратившегося в результате победного шествия его воинов по Малой Азии и Балканам и взятия ими Константинополя в 1453 г. под предводительством султана Мехмеда II в мировую державу, Турция начала играть первостепенную роль в мировой политике. В XVI в. лидерство Османской империи в исламском мире закрепилось победой султана Селима I (1512-1520 гг.) над персидским шиитским государством Сефевидов и, особенно, покорением им мамлюкских Египта, Сирии, пленением последнего халифа Аббасидов Муттавакиля III и отправкой его в 1518 г. в Стамбул. При этом для мусульман всего мира большое значение имело также перемещение в Стамбул из Каира знамени и плаща пророка Мухаммеда - главных реликвий ислама, что, вместе с нахождением в Стамбуле резиденции халифа, сделало этот город столицей всего исламского мира [4]. В эпоху Возрождения Османская империя была главным врагом христианской Европы. Она стала центром притяжения всех сил, выступавших против католической церкви, князей и дворянства.

Наивысшего расцвета Османская империя – лидер исламского мира на трех континентах, – достигла во время правления наследника Селима I – султана Сулеймана I (1520-1566 гг.) ("Сулеймана Великолепного-Законодателя"). Однако затем период расцвета сменился длительным застоєм и последовавшим за ним упадком [5, с. 4-8].

В эпоху Селима I (1512–1520 гг.) и Сулеймана I Кануни (1520–1566 гг.) государственные институты империи приобрели тот законченный вид, который на протяжении веков считался в османском обществе образцом для подражания.

Современники, да и последующие поколения мусульман, до середины XIX в. рассматривали Османскую империю как истинный халифат, как первое в мире шариатское государство, в котором нормы шариата на деле регулировали все стороны общественной, государственной и личной жизни. Османская империя была первым в истории государством, в котором мусульманское духовенство получило официальный статус и образовало особую иерархическую организацию профессиональных людей религии с четким обозначением функций и должностей. Крупнейшим османским теологом был Мехмед ибн Фира-Мурза (Мулла Хюсрев) принадлежавший к ханифитскому мазхабу, и другие: Ибрахим аль-Халеби (1458–1549 гг.), Шейх-заде (ум. в 1667 г.), аль-Хаскафи (ум. в 1677 г.) и др. Они разработали идейно-теоретическую и правовую базу османского общества. На ней основывалась османская интерпретация шариата. Из нее исходили представители государственной власти в своей законодательной и административной деятельности. Любое действие власти должно было иметь религиозную санкцию, которая давалась в форме фетвы – заключения экспертов о соответствии того или иного акта принципам шариата.

Во главе империи стоял султан. Он считался светским и духовным правителем государства, хранителем, исполнителем и толкователем священного закона. Как и во всякой теократии, верховная власть была несвободна. В отличие от европейских монархов, османские султаны были крайне ограничены в выборе решений и не могли выйти за рамки

изначально прокламированных ценностей. В противном случае «народ» имел право на «революцию». В XVI–XVII вв. из 15 султанов 6 были низложены по обвинению в нарушении шариата; двое из них казнены [2, с. 76-83].

Свои полномочия султан осуществлял совместно с имперским советом (диван-и хумайюн), состоявшим из высшего духовенства и крупнейших военачальников. Следует подчеркнуть, что политические структуры Османской империи исходили из принципов единства власти (в противоположность принципу разделения властей) и коллективного руководства. Последнее подразумевало совместное обсуждение и принятие решений, считавшихся выражением воли всех мусульман и требовавших общего согласия, или консенсуса (принцип шура, т.е. соборности, совета). Вследствие этого в Османской империи законодательная, исполнительная и судебная власть явно не были разграничены, также как религиозные и административные функции. Все они находились в одних руках, взаимно проникали и дополняли друг друга. Эти политические структуры нашли своё выражение в органах коллективного руководства – правящих диванах (советах), именем которых осуществлялась власть на каждом уровне государственного управления.

С административной точки зрения наиболее крупным территориальным подразделением были бейлербейства (провинции, с 1590 г. – эйалеты). К началу XVI в. их было три – это Румели (с центром в Эдирне), Анadolу (Анкара и Кютахия), Рум (Амасья, Сивас); а к 1610 г. – уже 32. Провинции делились на уезды (санджаки, или лива), а те, в свою очередь, – на волости (нахии). В ряде районов, особенно в горных местностях (Курдистан, Ливан), могли существовать автономные единицы – хюкюметы, юрдлуки и оджаклыки во главе с местными династами.

Текущее управление империей шло по двум линиям власти: военно-политической и шариатской (кадийский, или религиозно-судебный, аппарат). Главой военно-политической власти являлся великий везир, на уровне эйалета – бейлербей (с 1590 г. – вали), далее – санджакбей и субаши (воевода). Каждый из них отвечал за порядок и безопасность на своей территории, за соблюдение законности и за своевременное выполнение обязательств перед государством. Гражданское управление – прежде всего, контроль за хозяйственной деятельностью и соблюдением принципов шариата, а также суд, школа, религиозный культ и благотворительность – находилось в руках мусульманского духовенства. Во главе его были шейх уль-ислам и три казиаскера, стоявшие во главе автокефальных шариатских организаций (Анатолии, Румелии и Египта). На уровне провинции шариатскую власть возглавлял главный кадий (кади аль-кудат, или шейх уль-ислам провинции), в уездах и крупных городах (шехир) – старший кадий. На низовом уровне – кадии малых городов (кудат аль-касабат) и сельских волостей (кудат ан-навахи). Высшие сановники назначались султаном: бейлербей – на три года, главные кадии – на один год. Бейлербей был председателем совета провинции (дивана эйалета) и утверждал его решения, кадий – заместителем. Он обнародовал принимаемые решения и тем самым обладал правом вето в случае несоответствия этих решений принципам шариата.

Самой оригинальной особенностью османской административно-политической структуры были так называемые миллеты – автономные религиозно-политические образования иноверческого населения, пользовавшегося значительными правами внутреннего самоуправления. В XVI – XVII вв. было три миллета: рум миллети (византийский миллет), яхуди миллети (иудейский миллет) и эрмени миллети (армянский миллет). Первый из них объединял православное население Османской империи, второй – различные еврейские конгрегации (включая караимов и самаритян), третий – армяно-грегориан и последователей других восточно-христианских нехалкедонских конфессий (копты, яковиты, несториане). Все эти миллеты при условии признания верховной власти султана и уплаты подушной подати джизье (налог с немусульман, значительно превышавший закят, и являвшийся одновременно как бы платой за освобождение от службы в армии) пользовались полной свободой культа и самостоятельностью в решении своих общинных дел. Не имея определенной территории, эти своего рода церковно-конфессиональные государства обладали, тем не менее, всей полнотой внутреннего суверенитета. Другими словами, их суверенитет имел экстратерриториальный характер, т.е. распространялся не на население определенных территорий, а на определенные категории лиц независимо от их места жи-

тельства. Соответственно на одной и той же территории люди разных вероисповеданий подчинялись разным властям. Лишь в вопросах экономической и политической жизни решающее слово принадлежало мусульманскому государству.

Управление миллетом находилось в руках духовенства. Во главе его стоял миллет-баши. Это был патриарх православной церкви или, в других конфессиях, лицо, признававшееся верховным религиозным руководителем, например гахам-баши, считавшийся главным раввином империи. Миллет-баши был членом имперского совета, утверждался султаном и отвечал перед ним за состояние дел в миллете. Свои полномочия он осуществлял совместно с диваном миллета, куда наряду с религиозными сановниками могли входить представители мирян. Миллет-баши назначал иерархов миллета, имел собственную казну, тюрьму, полицию, собирал налоги и различного рода пожертвования. В его руках были суд, школа, религиозные и благотворительные учреждения.

Наконец, следует отметить, что в ряде провинций по образцу миллетной системы строились отношения между османскими властями и местными религиозно-этническими меньшинствами (язиды, друзы, андалусцы, или мусульмане-испанцы, и т.п.). При переходе под власть Османской империи им были предоставлены права внутреннего самоуправления, аналогичные правам миллетов. [2, с. 76-83].

В османском обществе не было сословий, т.е. формально признанных общественных групп, объединявших людей на основе общности социального положения, прав и обязанностей, вытекающих из их происхождения. По османским понятиям, в полном соответствии с предписаниями ислама, все люди были одинаковы от рождения. У них не было и не могло быть никаких преимуществ, связанных с кровью, а их достоинство не могло передаваться по наследству. Условий для достижения высших государственных должностей было всего два – личная инициатива и верность исламу.

В османскую эпоху все земельные и водные ресурсы считались собственностью уммы (сообщества мусульман), выступавшей в двух формах: государственной (мири) и вакфной. На земле не было постоянного помещика. Земля находилась на правах аренды в руках тех, кто ее обрабатывал – то есть крестьян, плативших налог (харадж). Причем крестьяне могли передавать арендованную ими землю по наследству. Но самое главное отличие крестьянского населения Османской Порты, заключалось в том, что они были лично свободны. Решение земельного вопроса и личная свобода – два столпа, которые придавали прочность Османской государственной постройке [3]. При этом следует отметить высокий уровень безопасности передвижения по территории империи, отсутствие воров и бандитов. Зачастую люди даже не закрывали свои дома, не опасаясь краж.

Города в Османской империи не имели самоуправления и муниципального устройства. Вся власть была сосредоточена в руках кадия. Им назначались объемы производства, контролировался ввоз и вывоз товаров. Он также осуществлял надзор за распределением и сбором налогов, контролировал вакфные учреждения, регулировал цены на основные потребительские товары (обычно прибыль торговца не превышала 10%, только в редких случаях 20%). Цены на отдельные товары, не зависящие от сезонных изменений, не менялись в течение длительного времени, десятилетий, а на отдельные наименования товаров поддерживались почти столетиями) [2, с.76-83].

Кадии организовывали общественные работы, фиксировали жалобы частных лиц, доносили о них центральным властям и на основании полученных директив давали ответы. В городах без специального разрешения кадия нельзя было открыть лавку или мастерскую.

Целью регламентации цен, торговли и ремесленного производства была постоянная забота о повседневном снабжении крупных городов, и особенно Стамбула. По шариату, главная забота правителя процветающего государства должна была состоять в обеспечении регулярного и достаточного поступления товаров на рынок. Отсюда проистекала и османская концепция внешней торговли. Поощрять следовало, прежде всего, ввоз товаров. Каких-либо мер защиты собственного производства в экономических воззрениях османских правителей того времени не предусматривалось.

Значительного поощрения султанских властей была удостоена транзитная торговля. К концу XV в. Османская империя полностью контролировала малоазиатский участок важнейших караванных путей, по которым издревле шли азиатские товары в Европу. Это

Шелковый путь и маршруты пряностей. Выгода от обслуживания торговых путей и сбора таможенных пошлин традиционно считалась азиатскими властями наиболее важной статьей государственных доходов. Османы еще в последние годы существования Византийской империи отменили беспошлинную торговлю европейцев через Босфор, наложив десятипроцентный налог от стоимости товаров. Султан Мехмед II удвоил налог, но объем европейской торговли увеличился. Гарантия политической стабильности и безопасности коммуникаций оказались более привлекательными, чем преференции (льготы) в торговле [1].

Таким образом, в отличие от Халифата VII-XII вв., где религиозные деятели не занимались практическим управлением и администрированием, духовенство Османской империи не только разрабатывало правовые нормы, но и играло важную роль в практическом управлении, т.е. выполняло функции органов как законодательной, так и исполнительной власти, а также выполняло функции министерства юстиции.

Османское государство представляло собой великолепно отлаженный механизм, который почти без сбоев работал до начала XVIII века. Совершенная административная и социально-экономическая системы позволили Османской империи не только вполне благополучно существовать, но и вести в XIV-XVII веках активную завоевательную внешнюю политику. Всё это делало её бесспорным лидером всего исламского мира.

В современной Турции существуют политические силы, которые стремятся использовать опыт государственного управления и общественного устройства Османской империи в процессе реформирования государственных и общественных структур страны.

Источники и литература.

1. Дергачев В. Цивилизационная геополитика (Геофилософия) // Междисциплинарный учебник для вузов. Киев: ВИРА-Р, 2004. – 672 с.; Сайт Института геополитики профессора Дергачева [Электронный ресурс]. Режим доступа: dergachev.ru/book-geof/index.html
2. История Востока. Т. III. М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2000. 696 с.
3. Кузьмичева Л. Под османским владычеством [Электронный ресурс] // Сайт федерального информационно-аналитического журнала РФ «Сенатор». Режим доступа: www.senat.org/portret4/txt3.htm
4. Мартынкин А.В. Исламский фактор в Османской империи в XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс] // Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б. Выпуск 1. 2009. С. 36-42. **Режим доступа:**
5. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М.: Институт востоковедения РАН – Крафт+, 2001. 536 с.